

Владимир Авдеев

Антропосоциология Жоржа Ваше де Лапужа

К году Франции в России

«Арийская проблема является комплексной, но уже по своему содержанию – это прежде всего историческая проблема».

Б. Г. Гафуров, советский историк

Споры вокруг имени этой личности не утихают уже более ста лет. Одни считают его пионером и первооткрывателем новых областей знания, находящихся на стыке биологических и социальных наук, другие – чуть ли не прародителем многих идеологических злоупотреблений XX века. Но вся парадоксальность ситуации заключается в том, что основная книга «Ариец и его социальная роль» французского антрополога, социолога, философа **Жоржа Ваше де Лапужа, Georges Vacher de Lapouge (1854-1936)**, была опубликована во Франции в 1899 году тиражом всего в 1000 экземпляров один единственный раз, никогда впоследствии не переиздаваясь и не переводясь на иностранные языки. Поэтому все радикальные мнения о творчестве академического ученого были сформированы исключительно на второстепенных критических работах и искаженных цитатах, произвольно выдернутых из текста. Следовательно первая публикация на русском языке главного труда Жоржа Ваше де Лапужа поможет избавиться от ненужных политических мифов и позволит каждому читателю составить собственное мнение об идеологической направленности и научной ценности данного сочинения.

Теперь обратимся к биографии ученого.

I.

Маркиз Жорж Ваше де Лапуж родился в г. Невилле-де-Пуату (департамент Вьенна) 12 декабря 1854 года в семье католиков. Крещение состоялось 13 января 1855

г. Когда Жоржу исполнилось двенадцать, он потерял отца, и его воспитанием и образованием занималась мать. В октябре 1866 года Жорж становится учеником Колледжа иезуитов в Пуатье, затем поступает в лицей (1868-1872), где впервые знакомится с сочинениями Герберта Спенсера и Чарльза Дарвина, каковые и заложили фундамент его будущего мировоззрения. 29 ноября 1877 года студент-юрист был удостоен золотой медали за 750-страничное исследование «О признании права на наследство», а в 1879 получил степень доктора права. Позднее в своей диссертации «Теория наследования в обобщенном праве» он писал, что данное исследование открывало новое направление.

В это же время он начал карьеру государственного чиновника, устроившись на работу в магистратуру и прокуратуру. Однако исполнение обязанностей государственного чиновника не помешало ему повышать свой уровень образования в области естественных наук. Лапуж начинает плодотворно переписываться с живым классиком французской антропологии Полем Топинаром (1830-1911). На этом фоне впервые проявляются и общественно-политические взгляды Жоржа Ваше де Лапужа, которые выражаются в пропаганде республиканских идей в совокупности с теорией эволюции. Он был искренне обеспокоен общим низким уровнем образования, представляя существующую систему как «разбазаривание интеллектуальных богатств». Так Лапуж впервые начинает пропагандировать идеи «теории элит», став руководителем кружка «Лиги образования». 6 февраля 1881 года он прочитал свою первую лекцию на тему «О роли образования у свободных народов». Движимый благородным порывом просвещения самых широких масс французов, Лапуж писал по этому поводу: «Формировать гражданское сознание в стране, которая начинает познавать свободу, - смелое дело огромного масштаба. Надо снова браться за национальное образование с самых основ! Нужно изменить характер целого народа! Ибо все должны знать, что обучение в условиях демократии – совсем иное дело, чем в условиях несвободы. Просвещение и свобода – два навеки связанных понятия. Повсюду, где нет свободы, нет и подлинного народного просвещения. Когда рождается одна, то рождается и другое, когда развивается одна, то развивается и другое. Свобода не может поддерживаться и процветать без просвещения. Вот почему мы не боимся говорить, что национальное воспитание должно отныне поставить себе цель просвещать массы настолько полно, насколько это возможно по всем вопросам, знание которых полезно для прогресса, и этот главный пункт предопределяет долг каждого демократического правительства. Роль образования у свободных народов не должна быть сведена лишь к тому, чтобы позволить гражданам сознательно выполнять их гражданские обязанности. Эта роль заключается также и в том, чтобы позволить всем, кто обладает талантом, развить и использовать его на общее благо. Мы тщательно роемся в наших железорудных и угольных шахтах, но употребляем ли мы все свое рвение, чтобы открыть и использовать интеллектуальные богатства, бесполезно пропадающие в нижних слоях общества».

Итак, нет сомнений в том, что с самого начала деятельности Лапуж мыслил гуманистическими категориями демократии, а следовательно записывать его в стан «дремучих реакционеров», как это до сих пор принято в наших энциклопедических словарях, некорректно. Он искренне всем сердцем любил Францию, причем безо всякого налета пошлого и болезненного национализма, который пышным цветом цвел в среде французских интеллектуалов, испытавших душевную травму после поражения Франции во франко-прусской войне. Лапуж явственно ощущал свою общественную полезность, работая сначала заместителем прокурора, а затем прокурором. Но таланты ученого рано или поздно должны были вызвать отвращение к скучной и однообразной рутине государственной деятельности, и в 1883 году он подал в отставку. Некоторое время Лапуж перебивался частными уроками, а в 1884 году подавал заявку на должность преподавателя, но не прошел по конкурсу.

В 1883 году он женился и, чтобы хоть как-то содержать семью, устроился на должность библиотекаря в г. Монпелье. Но его истинные интересы лежали совсем в другой области.

II.

С 1883 по 1886 год Лапуж одновременно является слушателем историко-философского отделения Школы высших исследований (ассирийский, египетский и древнееврейский языки, Школы Лувра (египтология) и Школы восточных языков (китайский, японский), посещает курсы Музея естественной истории и Школы антропологии. Его интеллектуальные усилия носят системный и широкомасштабный характер. Он штудирует труды основоположника французской академической антропологии Поля Брока (1824-1880) и самостоятельно осваивает технику антропометрии. Исследователь быстро приобретает авторитет серьезного ученого, что позволяет ему публиковаться в лучших научных журналах, таких как «Антропологическое ревю» и многих других. Он увлекается модными идеями новой науки того времени – евгеники, основанной Фрэнсисом Гальтоном. Таким образом, в его формирующейся научной концепции самым неожиданным образом начинают объединяться идеи социализма и расового отбора, биологического детерминизма и эволюционной конкуренции, что, однако, было совершенно в духе времени. Именно так возникли контуры нового научного направления, названного им **антропосоциологией**. Таким образом, мы видим, что при жизни Жорж Ваше де Лапуж имел статус добросовестного академического ученого, а негативная репутация была создана политически ангажированными толкователями его учения уже после смерти.

В 1886 году Лапуж начал читать «свободный курс» антропологии в Университете Монпелье. 2 декабря того года состоялась его вводная лекция под названием «Антропология и политическая наука», где четко была обозначена программа всего курса: «Изложить установленные следствия последних достижений биологической науки». На самом деле Лапуж бросил откровенный вызов представителям академической науки, ибо подчеркивал: «Априорные принципы общественных наук бесповоротно исчезают из-за формального противоречия с биологией. Новая общественная наука, политика или социология, умеет заимствовать у биологии законы, которые делает своими».

Таким образом, Жорж Ваше де Лапуж стал подлинным новатором, постаравшимся применить эволюционную теорию Чарльза Дарвина в области наук, изучающих развитие общества. Синтез биологии и социологии оказался успешным, и сегодня на его основе развивается множество узкопрофильных дисциплин.

Основными темами лекций Лапужа были в течение 1887 года – неравенство рас в эволюционном, а не в политическом плане, в 1888 – социальный дарвинизм, в 1889 – особенности арийских рас, а в 1890 – особенности семитских рас. 24 февраля 1887 года он прочел свою знаменитую лекцию, легшую впоследствии в основу книги «Социальный отбор». Ее текст был опубликован в «Антропологическом ревю» 15 сентября 1887 года, где он предлагал на основе законов биологии объяснять причины прогресса и упадка семей, народов и рас. Нисколько не сомневаясь, Лапуж публично объявил себя пионером в данной области, считая, что намного опередил своих немецких коллег Отто Аммона (1842-1916), Людвиг Вильзера (1850-1923) и Людвиг Вольтмана (1871-1907), с которыми был хорошо знаком. Дочь Аммона описывала его как светловолосого, голубоглазого человека среднего роста, стройного, любезного, умного, с чувством юмора. По ее словам, он был «типичным французом, внешне и внутренне», так как у него были не только нордические черты, но и черты двух других рас, из которых сформировался французский народ, - средиземноморской и восточной. Энциклопедический ум и чисто французский шарм содействовали успеху, в слушателях его лекций не было недостатка,

а американское правительство даже выплачивало за это стипендии своим студентам. Немалую экстравагантность его теории придавало и то, что Лапуж в качестве ее обоснования занимался измерениями живых людей и даже черепов и скелетов с кладбищ.

Наконец, он выступил также на муниципальных выборах от Рабочей социалистической партии, сотрудничая в ее газете, где излагал учение Маркса в свете законов эволюции. В мае 1892 года Лапуж получил на выборах всего 2549 голосов и в том же году написал эссе о Марксе, определяя его философию, как синтез гегельянства и материализма. Французский историк Жан Буассель указывает, что был обнаружен красный членский партийный билет Лапужа, мало того, в личном архиве последнего сохранились анонимные письма, в которых некий корреспондент добавляет к подписи название своей масонской ложи и степень по шотландскому ритуалу. Но следует подчеркнуть, что так делают только в тех случаях, когда и сам адресат является масонам.

В результате откровенно «левой» политической активности Лапужа руководители литературного, юридического и медицинского факультетов запретили ему преподавание в начале 1892-1893 учебного года. Ученый признавался в письме к антропологу Колльиньону: «Как я уже сообщал Вам, мой курс запрещен решением факультета. В настоящее время во Франции не осталось ни одного практикующего антрополога, кроме Вас. Это странно, потому что антропология – это французская наука и ее очагом является Франция».

Идеи Лапужа встречали все большее сопротивление, но, несмотря на это, он продолжал интенсивно заниматься раскопками и собирать большую антропологическую коллекцию. В 1893 году он был вынужден перебраться в Университет г. Ренн в Бретани, но и это не улучшило его положение. Ученый и там не смог читать лекции, хотя за эти годы сформировал поистине уникальную коллекцию и произвел 20.000 измерений на бретонских рекрутах. После этого на него началась настоящая травля. Ему стали мешать в работе, используя для этого произвольное толкование законов и полицейские предписания. Лапуж живописал об этом в своих воспоминаниях «Как во Франции убивали антропосоциологию» следующим образом: «Возникла угроза моим коллекциям из-за якобы нарушенного закона о погребениях. Я был вынужден отослать лучшие части за границу, а остальное закопать в своем саду. Полиция грозила привлечь меня к ответственности за то, что я фотографировал голых людей – а какой смысл был снимать их в шляпах, пиджаках и штанах? Я был вынужден прекратить свои фотографические исследования, равно как и исследования костей. Мне запретили измерения на новобранцах, так как это не предусмотрено военным уставом и нарушает свободу личности».

Все это напоминает запрет анатомии католической церковью в Средние века, только в данном случае «просвещенное» и «свободомыслящее» правительство и обывательская общественность во имя демократии выступали против всего, что мешало их самодовольному существованию. Ученый переехал в Пуатье, где получил должность библиотекаря и мог хотя бы тайно коллекционировать черепа и обучать нескольких учеников. Надежды получить кафедру в Париже не было. Но и в Пуатье работы пришлось прекратить. Лапуж по этому поводу язвительно отмечал: «Еще публикуют статьи по доисторической археологии и монографии о черных и желтых племенах, но никто не осмелится написать о населении Франции».

Мы имеем также важное косвенное свидетельство об этом периоде жизни Лапужа. Известный французский поэт Поль Валери писал в своих воспоминаниях: «Я знал господина Ваше де Лапужа, когда он был младшим библиотекарем Университета в Монпелье, а я – студентом юридического факультета. Вот, что происходило с 1886 по 1892 год. Лапуж имел репутацию «оригинала», а некоторые находили его идеи опасными. Он с трудом добился разрешения читать свободный курс в помещениях факультета, а иногда ему даже отказывали в освещении зала, где он собирал своих слушате-

лей. Я был на некоторых его лекциях, в частности по евгенике. Меня удивило такое плохое отношение к человеку, излагавшему идеи, которые, что бы о них не говорили, были совершенно новыми и стимулировали ум. Я тогда еще не знал, что стимулирование ума не входит в программу университета. Я часто беседовал с Лапужем. Он почти всегда меня забавлял, часто интересовал. Не очень-то доверяя его теориям (особенно его краниометрическим исследованиям), я не был сторонником деления людей на расы с опорой на Гобино, тогда совершенно неизвестного во Франции, и странным образом повлиявшего на Вагнера, Бисмарка и Ницше, не говоря уже о Чемберлене. Я помогал Лапужу измерять 600 черепов с одного старого кладбища. Признаться, исследование головных указателей и деление этих несчастных голов на долихо-, мезо- и брахицефальные не многому меня научило, но из многих бесполезных вещей, которые я изучил, эти измерения не были более бесполезными, чем все прочее».

III.

Тем временем Жорж Ваше де Лапуж существенно дополнил и систематизировал курсы лекций, которые читал в Монпелье. Результатом этой работы стало издание двух фундаментальных книг «Социальный отбор» (1896) и «Ариец. Его социальная роль» (1899), обессмертивших имя автора. Именно с этой поры одни его начали просто обожать, а другие – ненавидеть. Количество последних постепенно стало неуклонно расти, и тому были веские объективные исторические причины. Лапуж просто не «вписался» в политическую ситуацию, и в этом его главная «вина». Публиковать научно обоснованную апологию высоких, стройных, нордических блондинов, серьезных, выдержанных, немногословных, логичных и талантливых во всех сферах жизнедеятельности, а также превыше всего ценящих чувство личной свободы в побежденной Франции, только и мечтавшей о военном реванше, при демократии, проваливавшейся то в панамский скандал, то в дело Дрейфуса, было или колоссальной бестактностью, или даже откровенной провокацией. Французы, воспитанные на эстетических нюансах импрессионизма и иных формах декаданса, подчас откровенно враждебно относились к любым проявлениям «социальной физиологии», стремящейся разоблачить болезненную расовую основу «новейших веяний» в искусстве. Кроме того, Лапуж был в одиночестве, а немецкая когорта последователей антропосоциологии все множилась, и у французов, даже из числа интеллектуалов, стало складываться мнение, что это – откровенно вражеская идеология, а Лапуж – ее извращенный последователь и предатель, научно обосновывающий историческое право победителей. От общего первоначального утверждения о «едином индогерманском языке» в стане победителей во франко-прусской войне начались полуграмотные разговоры об «арийской расе», а в стане побежденных начали все чаще противопоставлять германское «варварство» и французскую «цивилизацию». Процесс идеологического размежевания начался, и Лапуж, к сожалению, оказался не на том берегу. Он старательно оправдывался в одном из своих писем к американским коллегам, которые его искренне ценили: «Пангерманизм родился из романтических фантазий немецких профессоров истории, это порча, основанная на филологии и истории, смешении двух понятий – расы и нации. Весьма интересно было бы узнать, как и почему Чемберлен, хороший ботаник, поддался лингвистическим софизмам господ профессоров». Но его не услышали.

1897 год был триумфом пьесы «Сирано де Бержерак» Эдмона Ростана (1868-1918). Французы вновь осознали в полной мере свою национальную гордость и величие, и расовые теории им были не нужны. Лапуж же, напротив, считал каждую нацию лишь выполняющей определенную социальную функцию на фоне всевластия биологических законов эволюции и яростно выступал против смешения таких понятий, как «этнос» и «раса». «Это неправильные выражения, которые сыграли такую большую

роль в политике наших отцов, обязаны своим происхождением тому факту, что лингвисты по-детски смешивали общность народов и языков». Справедливости ради нужно отметить, что данная постановка вопроса полностью соответствует канонам современной науки, и Лапуж здесь был одним из первых. В классических советских сочинениях по антропологии четко указывается, что смешение понятий «этнос» и «раса» лежит в основе расистской идеологии. Но Лапуж всегда четко разграничивал их и, следовательно, по канонам советской науки не может быть причислен к расистам. Однако в современных отечественных изданиях можно встретить именно такое мнение в основном в силу обыкновенного незнания оригинального текста французского ученого.

В 1909 году в своей работе «Раса и социальная среда» Лапуж ясно писал следующее о теориях Чемберлена: «Они стали основой германского империализма, самого агрессивного из всех существующих, и превратились в кредо десятков миллионов немцев». К этому времени относятся и более резкие оценки французского автора, который называл некоторых немецких теоретиков «политическими шарлатанами». Однако существует и любопытное свидетельство, что даже сам кайзер Вильгельм II высказался следующим образом: «У вас во Франции лишь один великий человек, Ваше де Лапуж, а вы его не знаете».

Но «политические шарлатаны» в большом количестве существовали и во Франции. Именно они поддерживали в народе иллюзии свободы, счастья, всеобщего равенства и прогресса, в то время как Европа все более неотвратимо скатывалась к Первой мировой войне. Главная иллюзия общества того времени состояла в убеждении, что материальное улучшение жизни – это результат распространения идеалов Французской революции. Этим химерам, имевшим статус почти непререкаемых истин, автор противопоставлял концепцию биологического детерминизма, «пока несовершенным, но наиболее адекватным выражением которой является теория отбора, основанная на законах эволюции». По его мнению, из новой политической науки должны были быть изъяты лозунги Справедливости, Равенства и Братства и наконец-то восторжествовать реалистические представления о балансе сил в борьбе народов и рас за существование. «Горе народам, коснеющим в мечтах», - провозглашал французский ученый.

Кроме того, сообразуясь с законами природы, он признавал, что мораль не имеет никакого отношения к биологии. В предисловии к книге «Ариец» Лапуж подчеркивал, что уже пять лет работает над первым томом большой книги о морали отбора, которая будет называться «Против морали». Это была своего рода ницшеанская программа «переоценки всех ценностей», но предпринятая уже на основе принципов эволюционной биологии. Данный страстный порыв французского интеллектуала был вызван желанием очистить мораль от любых трансцендентальных спекуляций, а также желанием вернуть смысл жизни, атрофированный у того поколения конца XIX века, нервно дрожащего при виде «очаровательной бледности» дев и упивающегося декадентским искусством и оккультной философией.

Лапужу были чужды как «правые», так и «левые» идеологии, поскольку апологеты и тех, и других привыкли ориентироваться на концепции, восходящие к Французской революции и к политической философии XIX века, а не к новейшим открытиям в области эволюционной биологии. Он считал, что настоящий социализм должен быть основан на естественном отборе. Христианская и марксистская идеологии тех дней провозглашали будущее рождение «нового человека», который добровольно и с радостью откажется от личных интересов в пользу общественных. Естественно, что Лапуж с его системой взглядов нажил непримиримых врагов среди лидеров этих идеологических течений. В 1896 году он писал: «Социализм будет основан на отборе или его не будет вообще: он возможен только с людьми, сделанными иначе, чем мы, и отбор может сделать таких людей». В книге «Раса и социальная среда» он описывал, как в рабочей аудитории, где интеллектуалы чувствовали бы себя неудобно, излагал самые анти-

демократические тезисы антропосоциологии, и не потерял из-за этого на выборах ни одного голоса, потому что инстинкт влечет народ к тем, кто не труслив. Лапуж заключает: «Идеи Вольтмана и социал-аристократии оказали на марксистские массы столь значительное влияние, что изменили результаты выборов в Германии».

Лапуж обличал и буржуазию, да еще в таких выражениях, как какой-нибудь современный прогрессивный эколог. Досталось от него и парламентской демократии: «Плутократия сбросила свою демократическую маску, и встает вопрос, возможна ли демократия. Под именем республики продолжается империя. Конфликт между расами начинается внутри наций и между нациями. Демократией называют режим, который не имеет с ней ничего общего, кроме имени. Предполагается, что правит плебс. На самом деле плебс не играет активной роли на выборах. Депутаты назначаются без мандатов и правят в интересах кланов. В Германии, которая не зацикливается на демократии, судьба рабочих и крестьян лучше обеспечена законом, чем у нас, дух законов там ближе к социализму».

Гражданам было весьма неприятно выслушивать такие суждения о стране, которая считала себя маяком политического и социального прогресса. Парадоксально, но Лапужа в государственном устройстве Германии восхищала социальная защита слабых, которую он принципиально осуждал во имя естественного отбора. Таким образом, появились новые достаточные основания для обвинений его в германофилии и недостаточном патриотизме, тем более что он в силу своего тяжелого характера и отнюдь не французской галантности, умудрился оскорбить еще и военное сословие, объясняя причины поражения во франко-прусской войне общей расовой деградацией военных во Франции.

Вряд ли нужно пояснять, какое влияние во Франции традиционно имели женщины и как политикам приходилось считаться с женским мнением на всех уровнях социальной иерархии. Но Лапуж в атмосфере «прекрасной эпохи» в стране, где все было буквально пронизано культом женственности во всех ее проявлениях, открыто заявил ошеломленным современникам, что женская красота часто является злом, потому что иногда приводит к отказу от материнства. Он публично окрестил феминизм наихудшим проявлением «старческой демократии», при котором роль политиков уподобляется состоянию микробов.

В своей знаменитой статье с характерным названием «О неравенстве между людьми» (1888) он утверждает целую идеологическую программу: «Господа» Для того, чтобы оспаривать принцип равенства людей, нужно много смелости. Я, однако, осмелюсь это сделать, потому что наука, чуждая человеческим слабостям, имеет право повсюду нести свой факел, и, возможно, пришло время отказаться от фикций, метафизических спекуляций, чтобы наконец зажечь реальной жизнью. Грош цена мечтаниям философов, в реальности люди неравны, и неравенство их социальной ценности намного выше всего, что только можно предположить. Это не все. Каждый из нас становится тем, что ему предначертано от рождения – образование лишь развивает способности, изначально существующие в зародыше. Вот чему научило нас изучение законов наследственности. Именно наследственность придает неравенству его значение с точки зрения политической науки. Тут дело не только в том, что индивиды, классы, нации и расы не равны – ко всему прочему ни одна из этих групп не может усовершенствоваться целиком: повышение среднего уровня происходит вследствие уничтожения худших и распространения лучших элементов – одним словом, отбора, сознательного или неосознанного. Человеческое развитие осуществляется в силу этого неравенства. Ни один здравомыслящий человек не осмелится утверждать, что миллион негров равноценен такому же количеству англичан. Было бы очень важно непосредственно доказать, что с древнейших эпох умственно одаренные люди в основном принадлежали к белой доминирующей расе.

Парадокс о равенстве людей, столь дорогой нашим современникам, должен уступить место принципу наследственного неравенства. Это важнейший вывод, и от него невозможно отстраниться с научной точки зрения».

IV.

Таким образом, круг замкнулся, ибо Лапуж сумел нажать себе врагов среди представителей практически всех значительных идеологических течений. При этом и в данной ситуации, на наш взгляд, это самое важное, он был неисправимым романтиком, что только усугубило отрицательную репутацию в обществе. Его сочли просто взбалмошным аристократом, который намеренно эпатирует публику своими вызывающими фантазиями. Пьер-Андре Тагиефф в своей монографии «Цвет и кровь. Французские теории расизма» (М., 2009) справедливо указывает, что не последнюю роль сыграл и литературный стиль изложения Лапужа: местами научный, намеренно тяжеловесный, иногда пафосно нравоучительный, а временами ернический и карикатурный.

На самом же деле, как это часто бывает в науке, злую шутку с ним сыграл его дар новатора и первопроходца, убежденного в своей непогрешимости. Из биологии он хотел создать нечто аналогичное новой религиозной системе ценностей, но публика была еще не готова к подобной постановке вопроса. И тогда его интеллектуальные экспрессии были сочтены опасными для нравственных устоев общества, а на фоне морального климата проигравшей страны этого достаточно, чтобы быть обвиненным во всех мыслимых грехах разом. Национализм в стане побежденных очень часто приобретает болезненные черты, хотя и апеллируя к возвышенным патриотическим чувствам. Особенно это проявилось во Франции, в которой единство языка и культуры считались наивысшим признаком консолидации. А Лапуж оскорбил чувства французов, написав в своей книге «Социальный отбор» следующее: «Раса представляет собой совокупность индивидов, совместно обладающих определенным наследственным типом. Понятие расы относится к области зоологии, и только к ней. Аналогия языков поэтому не предполагает аналогии рас». Это совершенно современное и политически корректное определение расы. Поэтому очевидно, что одним из первых давая такую формулировку, Лапуж никак не может быть отнесен к числу вульгарных расистов в современном понимании. Но в конце XIX века французы, считавшие себя едва ли не самой культурной нацией на земле, вдруг узнали из уст экстравагантного маркиза, что их блестящее единство основано не на идеалах Революции, а на принципах зоологической классификации. Большого кощунства себе и представить было не возможно. В стране, всеми силами души жаждавшей военного реванша, Лапуж писал в духе футуристической утопии об обществе нового типа, созданного на основе биологических законов селекции: «Наконец-то исчезнет милитаризм. Значительная по силам армия сохранится в составе лишь нескольких сотен тысяч человека, как одна глобальная полиция. Придет эра социализма, но это, конечно, будет социализм, резко отличающийся от того, каким мы его себе представляем. Селекционизм будет применяться без ограничений, и средний уровень качества людей станет повышаться из поколения в поколение». За такой ход рассуждений Лапужа тут же записали в откровенные «леваки» и «пораженцы». Кроме того, в атмосфере всеобщего декаданса никто не хотел повышать свой уровень, ибо всем и так было хорошо упиваться праздностью и собственным ничтожеством, а этот «биолог» имел наглость публично и бесцеремонно вторгаться в самые потаенные уголки души обывателя, рассказывая людям как они плохи и несовершенны, да еще по сравнению с канонами животного царства.

Лапуж разрушил возвышенные представления о логичности человеческой истории, в которой божественное начало является своего рода моральным арбитром. Для него история – это эволюционная война рас, ведущих беспощадную борьбу за суще-

ствование, где индивиды неосознанно соревнуются друг с другом. Он полагал, что никакой морали в ее консервативно-христианском понимании нет вообще, мораль – это биология выживания. В одной из своих лекций в 1886 году Лапуж писал: «Философия истории, становясь понятнее с каждым днем, представляет собой ни что иное, как протокол эволюции человечества и борьбы за существование между различными ветвями человеческого рода. У каждого из этих элементов есть шансы, зависящие от внутренних качеств. Вероятно, один элемент одержит победу, другой будет низвергнут, третий уничтожен. В зависимости от изменений среды шансы одного и того же элемента меняются. Так, светловолосый элемент во Франции оказался подавлен: он был многочисленным в эпоху галлов и сохранился, уменьшаясь количественно, в аристократических семьях и некоторых других слоях населения. Сегодня он почти сведен на нет из-за смешения с брахицефальным типом. На это повлияло изменение условий среды, которая в большей степени способствует расе брахицефалов. Наоборот, в Англии брахицефал почти исчез. Бессознательная борьба рас объясняет почти всю историю обеих стран и – вплоть до Французской революции – высшего и победоносного усилия туранской популяции (здесь под термином «туранский» понимаются элементы азиатского происхождения, то есть «альпийской расы»). В других условиях в этой борьбе одерживают блондины: военная и экономическая гегемония сохраняется в руках арийского населения Северной Германии, Англии и Соединенных Штатов».

По его мнению демократия и христианство имеют сугубо азиатское происхождение, поэтому его высказывания о них также носили откровенно уничижительный характер: «Современная демократия связана с пришествием новых этнических элементов, масс брахицефалов, пробующих свои силы во власти. Возможно больше не будет устаревшей власти и появится новый народ. Азиатская любовь к единообразию лишает всякого шанса на успех эксперимент, проделанный параллельно в арийских Соединенных Штатах нашими кельто-славянскими элементами. Тенденция к единообразию есть неизбежный фактор регресса, в то время как прогресс предполагает на каждой новой фазе развития все большую степень дифференциации. Такая тенденция к дифференциации формирует высшие организмы как среди животных и растений, так и в обществах, противоположная же тенденция служит симптомом распада молекул, предвестием их разрушения или ассимиляции в новых телах».

Критики более поздних времен справедливо называли Лапужа «провозвестником генетики», так как эти его выводы наиболее точно отражают основные положения науки и совершенно не противоречат этическим нормам современного общества. Он по сути требовал радикального оздоровления общественного мнения и избавления его от метафизических фантазий. «Формулируя принцип борьбы за существование, Дарвин не только совершает революцию в биологии и философии природы, он еще и преобразует социальную науку. Этот мощный гений придал огромную силу концепциям Ламарка и Спенсера, открыв механизмы эволюции органического мира, который из мельчайших простейших произвел совершенные существа вплоть до человека – этого смертного Бога, в котором Вселенная познает самое себя».

V.

Складывается впечатление, что Лапуж и впрямь ощущал себя пророком новой расово-евгенической религии: «Совершенно ясно, что путем строгого отбора представляется возможность в течение ограниченного времени получить желаемое количество индивидов определенного роста, с определенным черепным индексом, цветом глаз, волос и кожи. Когда таким образом будет получен соответствующий расовый тип, потребуется весьма немного времени для эстетического усовершенствования индивидов, и идеальной красоты будет тем легче достичь, чем быстрее исчезнет непоследователь-

ность вместе с гетерогенными тенденциями. Трех поколений в течение каждого века будет достаточно, чтобы в течение нескольких столетий заселить землю морфологически совершенным человечеством, таким совершенным, что мы не можем представить себе ничего лучшего. Этот срок может быть сокращен в значительных пределах, если прибегнуть к искусственному оплодотворению. Речь идет о замене воспроизводства дикого и спонтанного зоотехнической и научной репродукцией, об окончательном разделении трех уже отделяющихся друг от друга вещей: любви, похоти, плодовитости».

Одним из первых Жорж Ваше де Лапуж предложил создание банков спермы для грядущего улучшения наследственности, чем окончательно поверг в шок страну, боготворившую все формы чувственности и возвышенной любви. И никого так не ненавидит толпа, как кумира, сброшенного с пьедестала, вымещая со всей жестокостью на нем свои комплексы. Случай с Лапужем оказался весьма показательным. Он не был признан на родине, но пользовался известностью в Германии. А в Америке был даже весьма модным идеологом, ибо соответствовал новейшим тенденциям в наиболее динамично развивающемся обществе.

В декабре 1920 года Лапуж был избран французским членом-корреспондентом Общества Гальтона, основанного в Нью-Йорке в марте 1918 года одним из основоположников генетики Чарльзом Б. Девенпортом (1866-1944) и расовым теоретиком Мэдисоном Грантом (1865-1937), евгениками и страстными поклонниками нордической теории. Лапуж был признан лидером французского направления и за свои очевидные заслуги был приглашен выступить на Втором международном евгеническом конгрессе, который проходил в Нью-Йорке с 22 по 28 сентября 1921 года под председательством палеонтолога Генри Ферфильда Осборна, основателя Американского евгенического общества. Доклад Лапужа имел характерное название: «Раса у смешанных народов», что пришлось по вкусу американской просвещенной публике.

По возвращении во Францию ученый переехал из Ренна в Пуатье, где тоже работал университетским библиотекарем. В 1922 году он вышел на пенсию и за время до своей смерти 20 февраля 1936 года оставил всего две значимые работы, посвященные творчеству французского пионера расовых исследований графу Жозефу Артюру де Гобино (1816-1882), который был совершенно неизвестен у себя на родине. В 1923 году забытый всеми, озлобленный и одинокий, Лапуж писал: «Последние времена увидят людей, освободившихся от цивилизации, вернувшихся к стихийной свободе, живущих в пещерах. И между людьми останется лишь одно неравенство: между тем, кто на вертеле, и тем, кто вращает вертел». Он видел, какие невосполнимые потери качеству европейского населения нанесла Первая мировая война. Он всегда был последовательным антимилитаристом, о чем всегда следует помнить, критикуя его взгляды.

Лидер феминистского движения Америки Маргарет Зэнгер (1883-1966) пригласила Лапужа на проходивший в марте 1925 года в Нью-Йорке шестой международный конгресс неомальтузианского движения «Контроль за рождаемостью». После своей второй и последней поездки в Америку он в 1926 году опубликовал перевод известной книги своего друга Мэдисона Гранта «Закат великой расы», написав к ней большое предисловие. В 1927 году он установил контакты с выдающимся немецким расологом Хансом Ф. К. Гюнтером (1891-1968), труды которого высоко оценил, хотя и не во всем с ним соглашался. В это же время он подружился с основоположником немецкого Общества Гобино Людвигом Шеманом (1852-1938), крупным расовым издателем Юлиусом Фридрихом Леманом (1864-1935), а также расологом Паулем Шульцем-Наумбургом (1864-1949).

Вопреки голословным утверждениям, содержащимся в некоторых современных энциклопедических словарях, Жорж Ваше де Лапуж никак не мог быть «провозвестником расистский идей Гитлера», так как незадолго до смерти в 1935 году в одном из своих писем к другу он писал: «Будущее покажет, что жуткая политика этого великого

человека не приведет ни к чему, кроме ужасных истреблений и уничтожения лучших». Даже страстный обличитель Лапужа Пьер-Андре Тагиефф вынужден был признать, что французский ученый никогда не был поклонником Гитлера, а о его резко негативном отношении к идеологии пангерманизма мы уже упоминали. Лапуж был романтиком от науки, а в то время жесткой политической борьбы такие идеалисты просто раздражали сильных мира сего. Многие интуитивно чувствовали, что он прав и его пророческие предсказания сбудутся, но боялись себе в этом признаться.

Лапуж скончался в Пуатье 20 февраля 1936 года в возрасте 82 лет почти в полном забвении. Лишь французский энтомологический журнал опубликовал о нем некролог, как о знатоке жужелиц.

Немецкий исследователь Вернер Кульц справедливо указал в своем эссе, посвященном памяти маркиза: «Его собственный народ до сих пор не понял учение своего великого сына. Он продолжает идти по пути всеобщего смешения и гибели родов с высококачественной наследственностью».

Лапуж всегда грезил перспективами сверхчеловека, свободомыслящего существа высшего порядка, обладающего прекрасной наследственностью, ясным разумом и свободой воли. Кроме того, он всегда проповедовал так называемую «позитивную евгенику», суть которой сводится к селективному отбору лучших индивидов, как это делают растениеводы и зоотехники. В противоположность этому американские, немецкие и даже советские евгенисты в значительной своей массе пропагандировали принципы «негативной евгеники», согласно которым для оздоровления потомства предлагалось стерилизовать «дефективных» членов общества, причем не только на основе биологических, но и социальных показателей личности. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть «Русский евгенический журнал». Таким образом получается, что советские евгенисты, которых не принято называть «расистами», стояли на более радикальных идеологических позициях, чем сам Лапуж, которого сегодня недостаточно информированные авторы называют расистом.

VI.

А теперь давайте разберемся, что же такого крамольного написал французский автор, чем так сильно испортил свое реноме в среде просвещенной демократической публики. У нас есть реальная возможность ответить на этот вопрос самостоятельно, опираясь на первоисточник.

Прежде всего, следует указать, что вся книга написана в академическом стиле, лишенном каких бы то ни было политико-пропагандистских штампов, рассчитанных на обывателей.

В самом начале сочинения Жорж Ваше де Лапуж подчеркивал: «Данная книга представляет собой монографию о homo europaeus, то есть о виде, которому присваивали разные имена: долихоцефальной белокурой расы, кимрской расы, расы галатов, германской и, наконец, арийской расы. Я буду называть ее общепринятым научным именем, которое ей дал Линней».

Сам термин «ариец» в понимании автора это достаточно условное и относительное понятие, приспособляемое исключительно для нужд современной ему публики, еще не привыкшей к единой унифицированной терминологии. Естественно, ведь это была эпоха начала системных расологических исследований, и подобного рода терминологические пояснения были просто необходимы. «Из всего вышесказанного следует сделать вывод о необходимости исключить из терминологии антропологической науки все термины, не имеющие какого-либо отношения к линнеевским, согласованным с правилами зоологической номенклатуры. (...) Вот почему термин «ариец» может быть к месту только в труде по этнографии, но должен применяться только с разрешения и

должен быть понятным читателям в работе по антропологии. Я буду употреблять его только в заголовках, чтобы неискушенный читатель не чувствовал себя не в своей тарелке. Если я его иногда употребляю в тексте, то это будет в этнографическом смысле, что законно и правильно, иногда буду употреблять незаконно, а также чтобы избежать многочисленного повторения слишком режущего слух homo europaeus».

Ничего особенно реакционного не содержалось и в другом базовом утверждении французского автора: «Мы приходим к заключению, что господствующий класс у первобытных ариев был долихоцефально-белокурым. Было ли такое доминирование одновременно и социальным, и количественным, или только социальным, - не столь важно».

Итак, мы видим, что сама постановка задачи в данном сочинении предельно корректная и мягкая.

Далее автор посвятил раздел сугубо физическому описанию характеристик исследуемого им расового типа, где также не содержится и намек на политические сентенции, ибо описание ведется с точки зрения классической систематизации.

Одним из первых в мировой научной литературе Жорж Ваше де Лапуж принял комплексное исследование проблемы происхождения белых индоевропейцев на основе синтеза естественных наук, для чего проанализировал биологические причины возникновения светлой пигментации вообще, с особым рассмотрением принципов ее физиологического функционирования. Далее, как подлинный ученый, он задался вполне справедливым вопросом: а где же географически мог возникнуть данный светло-пигментированный расовый тип. Его анализ региона первичного расогенеза с точки зрения климатологии, географии, геодезии и минералогии не оставляет нам шансов усомниться в добротной и основательной эрудиции Лапужа, вновь не подверженной никаким политическим спекуляциям, в которых его, увы, многократно обвиняли посмертно: «Духовная жизнь прото-арийца должна была быть монотонной и печальной, как природа, на лоне которой он влачил свои дни. Этот покачивающийся в дымке горизонт, душастый его как стеклянный колпак, низкое небо, покрытое свинцовыми тучами, из-за которых редко пробивался солнечный луч, эти полутени облачных вершин и туман внизу, рассеивающий наклонно падающий свет, непрекращающиеся дожди – теплые и мелкие, но обложные, соприкосновенные с северным ветром – холодным, влажным и сильным, который без конца сбивал его с ног – вся эта меланхолическая среда должна была сформировать его дух подобно тому, как избыток воды и отсутствие света мало-помалу формировали его тело».

Легко понять, с каким трудом должен был переноситься такой климат. Когда вся раса, каждый ее индивид веселы, подвижны, любят солнце и жизнь, то она фатально сказывается на обочине жизненного процесса. В этой изобильной, но суровой, однообразной, бесконечно печальной природе выжили бы только те, которые, наряду с упорным темпераментом, привнесли бы холодный и меланхоличный дух, спокойную, но неистощимую энергию.

Так возникла раса рыбаков, охотников, моряков, пастухов – могучая, но лимфатическая, умная, но печальная, энергичная, но холодная, которая от века к веку прирастала числом, оттачивая свои свойства и, наконец, на заре античности превратилась в арийцев».

На наш взгляд, это один из самых блестящих и поэтичных пассажей в мировой антропологической науке, где столь просто и вместе с тем образно были объяснены психические кондиции нордической расы в свете географических условий ее возникновения. Но это не ода, а диагноз, повышающий научную достоверность сочинения в целом, ибо все эти новаторские идеи многократно были обоснованы и подтверждены впоследствии.

Следующий раздел монументального исследования был посвящен детальному анализу антропологических характеристик доисторических ариев, как на основе пись-

менных источников, так и палеоантропологических данных. И здесь Лапуж оказался первым, а его универсальная методика используется современными реставраторами истории до сих пор. Аристократия многих древнейших народов Европы, Ближнего Востока и даже Северной Африки была белокурой по происхождению, испытав на себе генетические следы расового вторжения северных народов, которые в египетских хрониках обозначались как «народы моря». Многочисленными волнами они вторгались в эти исторические пределы, начиная с пятого тысячелетия до нашей эры. Мало того, Лапуж, опираясь на неопровержимые источники целого комплекса наук, доказывает, что белокурый расовый элемент всецело преобладал на гигантских просторах Евразии с самых древнейших времен, всюду составляя зать традиционных культурных сообществ. В Индии и даже в Китае, множество неоспоримых летописных и антропологических фактов свидетельствуют в пользу «арийской гипотезы» происхождения высшей культуры данных регионов. Расовые типы изображенных божеств и героев говорят сами за себя. И нужно понимать, что им поклоняются сегодня сотни миллионов людей, а это уже никак нельзя списать на счет неразвитости населения, в условиях техногенной революции, охватившей весь Евразийский континент. Поклонение расовой белизне – устойчивый аспект множеств мифов на этих гигантских территориях, население которых имело самое разнообразное генетическое происхождение. И по мнению Лапужа, это не может быть простой случайностью или цепью неосознанных совпадений. Это просто исторический факт, требующий объективного осмысления. Приводимая ниже цитата вполне соответствует современным представлениям об античности. «Ныне известно, что греки тщательно отделяли свои статуи. Поэзия белизны мрамора ничуть их не касалась и, учитывая снобизм, без сомнения, не коснется художников будущего. Окраска часто была условной, греки использовали цвет в декоративных целях, и их полихромия не всегда ставила целью точное воспроизведение природы. С такой оговоркой нужно отметить использование в целом, при передаче цвета волос, почти всегда, тонов желтых и красноватых. Редкие исключения замечены для представителей рабов, иногородцев, людей низших классов. Одним словом греки видели белым все то, что было высокого порядка: Боги – блондины, герои – блондины, великие мужи, свободные граждане, знатные дамы-блондинки, великие куртизанки.

При этом греческие художники, ваятели не ценили людей чернявых и курчавых. Они рассматривали их как плутов и корыстолюбцев».

Такому же детальному и вместе с тем натурфилософскому анализу Лапужем были подвергнуты причины расовой деградации Великого Рима: «Римляне римлянам рознь. Римлянин III века до н. э. – это гражданин города Рима, гражданин – то есть не инородец, проживающий в городе, и не раб. Две этих последних категории, впрочем, принадлежали, почти без исключения, к соседнему италийскому населению. Римлянин III века н. э. от первого унаследовал лишь имя».

Великая Римская империя пала в результате расового смешения – вот окончательный приговор классика. «Латинская литература богата в плане упоминаний о человеческой масти. Римляне эпохи упадка и их приживалки изображены поэтами и историками – первыми больше, чем вторыми».

Далее автор дает интересные сведения о германцах. Также и о славянах автор высказывается вполне однозначно: «Все остеологические факты указывают нам в славянах общность долихоцефальных и белокурых народов. (...) В России самым чистым является великоросский элемент. Это он расселяется по Сибири, где новое население, является все же более благородным, чем население любого великого народа Европы».

Любопытно отметить следующее замечание Лапужа: «По славянской эпохе лучшим гидом всегда выступает Богданов». Эту фразу, мы полагаем, нужно хорошо усвоить всем знатокам русской истории, так как французский ученый безоговорочно

признавал статус основоположника отечественной антропологической школы Анатолия Петровича Богданова.

VII.

Жорж Ваше де Лапуж был также пионером в области целой новой отрасли естествознания – **расовой психологии**. «В облике каждого человека есть черты, свойственные только ему, что никогда не позволяет спутать его с кем-то другим. То же самое – он обладает собственной психологией, которая его и только его. Однако, в том, что касается тела и духа, человек, являющийся синтезом бесконечного числа предков, позволяет отнести себя к какой-либо категории. Если же он не представляет собой вообще никакого четкого типа, то, по крайней мере, можно говорить, к каким расам он имеет отношение – как комплексное и приблизительное произведение. Данную классификацию легче всего провести для тела – в этом нам содействуют инструменты и глаза. Что касается менталитета, то это более тонкая затея, и все же каждая раса – скажем больше, каждая человеческая категория – обладает свойственным ей психическим обликом.

Каждый из нас, приходя в мир, приносит в него свой менталитет, который его и только его, но который является синтезом бесконечного менталитета предков. Что в нем думает и действует – это бесчисленный легион погребенных предков, все, что чувствовало, мыслило, желало на бесконечном продолжении родословной, разветвляющейся с каждым поколением, которая связывает личность с первыми размножившимися сгустками живой материи.

Человек не может избавиться от бесконечного могущества предков. Он не может поменять черты своего лица, он не может изгладить из своей души те тенденции, которые управляют его мышлением, которые заставляют его волноваться так же, как волновались и реагировали его предки. Орудие, которое в нем таким образом размышляет и действует, у другой расы совсем другое.

Значит, психические черты рас формируются также как физические – исключительно выживанием индивидов, так или иначе одаренных, и психология расы довлеет над психологией индивида, которая являет собой некую равнодействующую. Именно в этом фундаментальное понятие дарвиновского монизма и противоположные мечтания о девственной душе, измышленной философами».

На наш взгляд, данное определение можно считать каноническим и совершенно не утратившим своей актуальности до сих пор. Кроме того, ученый обозначил основные принципы эволюционной психологии, а также одним из первых понятие нации сформулировал не на культурно-языковом, но именно в биологическом понимании.

«Нации не являются ни обществами, членами которых становятся по выбору, ни клубами по интересам, куда вступают, предпринимая какое-то действие и откуда выходят. Такой взгляд присущ основной массе публицистов, о политиках я не говорю – у них никаких собственных взглядов нет. Нация есть общность индивидов, имеющих разное расовое происхождение, но соединенных сложными родовыми связями, и предки которых на протяжении истории оказывали влияние друг на друга, подверженные отбору. Нация включает в себя живых, еще большее число умерших, а также последующие поколения до скончания веков, так как нация с необходимостью претендует на вечность и вездесущность, то на то, чтобы остаться одной и покрыть всю Землю своим потомством. Нация, начинающая формироваться, включает в себя разные расы, в различных пропорциях, распределенные некоторым образом в общественной иерархии».

Более поздние критики Лапужа, не имея возможности читать подлинники, неустанно обвиняли его в пропаганде примитивного, одностороннего расизма. Ему приписывались утверждения, будто он писал, что все длинноголовые блондины принадлежат к «высшей» расе, а все короткоголовые брюнеты – к «низшей». И поколения читателей

читающих это простодушно доверяли навету, тем более что энциклопедические словари содействовали распространению данного измышления с настойчивостью эпидемии. В то время как на самом деле ученый писал: «Смелость, выдержка, долихоцефалия, депигментация, повышенный рост являются характерными чертами h. Eugoraeus. Из этого не стоит делать вывод, что у Eugoraeus повышенные умственные способности по причине его долихоцефалии. Такое умозаключение часто делали противники селекционизма, и многие одалживали мне его, чтобы спросить потом, почему негры тоже не являются высшими людьми. Ничего подобного я никогда не измышлял, ни писал, но вероятно, что будущее действительно покажет общую корреляцию между высокоголовостью и повышенной импульсивной активностью».

Итак, как видим, механизм идеологических провокаций и технология шельмования не стали со временем изобретательнее и утонченнее. А вот стиль сдержанных, корректных допущений Лапужа показывает, что он действительно был подлинным ученым-новатором, желавшим заглянуть за горизонты современной ему науки, что никак не может быть преступлением против общественной нравственности. Во времена Лапужа философов-одиночек уже не сжигали на кострах, но атмосфера косности убивала авторитет и честное имя истинных новаторов. «Следовательно, не надо делать вывод, который я слышал от вполне ученых людей, даже профессоров: раз долихоблонд является высшим, значит всякий долихоблонд высший, тот кретин-долихоблонд, значит долихоблонд не является высшим», - подчеркивал ученый. Но это не спасло его, всегда выступавшего против однобокого и примитивного толкования научных фактов, так как обвинили в расизме. Отчетливо видны следы цеховой солидарности глупцов, прикрывающихся учеными степенями и мстящих подлинно ярким и самостоятельным личностям. В другом месте своей книги Лапуж также четко указывал: «Я не являюсь приверженцем насильственных мер, о которых говорят американские селекционисты и которые они начинают практиковать. Кастрация представляется мне бесполезной. Тем не менее Лапужа записали в «предтечи человеконенавистнических идей Гитлера». Парадоксально, но те, кто проповедывал и осуществлял радикальные евгенические меры, избежали этой участи и до сих пор числятся в ряду маститых ученых со вполне благонаправленной репутацией. Напомним, что и в советской России было множество приверженцев негативной евгеники. «Дурная трава с поля вон», - вещали большевистские комиссары, беспощадно и массово истреблявшие целые сословия лучших русских людей, на которых поколениями держалось наше Отечество. И в честь убийц, по странному стечению обстоятельств, до сих пор названы улицы и проспекты в крупнейших городах России. А скромного библиотекаря, который в своей жизни вряд ли обидел существо более сложной организации, чем жужелица, представляют едва ли не как одного из главных идеологов тоталитаризма. Вот они – чудеса пропаганды.

В самом конце книги в полной мере проявляется не просто бесстрастная академическая манера Жоржа Ваше де Лапужа, но и его осознанная высокая гражданская позиция. Невольно проигрывая идеологическое противостояние с современниками, он тем не менее, как истинный провидец силою своих знаний предостерегал потомков.

«Содрогаешься при мысли, сколько гекатомб человеческих жертв таит в себе будущее. Борьба между претендентами на мировое господство будет долгой и, конечно, беспощадной. Исчезновение второстепенных народов, тех, кто не может ни на что претендовать, не обязательно будет столь же кровавым. Бывают случаи, когда неравенство сил таково, что для слабого сопротивление бесполезно. (...)

Все конгрессы, все фикции, все ухищрения не помешают ходу эволюции, не помешают быстрому сокращению числа народов, воплощению в жизнь всемирного государства. Формулы международного права, всякие мирные, гуманитарные конференции служат, в основном, тому, чтобы успокоить жертв будущего, усыпить их гарантиями безопасности в то время как народы-хозяева накачивают мускулы. Противники мили-

таризма и поборники договоров не то что неправы, а строят иллюзии. Массы притягивают массы, малые народы по тем же причинам становятся клиентами и сателлитами больших. Борьба великих народов есть естественная необходимость. Подлинная подоплека борьбы за существование – это борьба за потомство. Сегодня излишки населения можно сбрасывать посредством эмиграции. Когда же Земля окажется полностью заселенной, экспансия одних станет возможна лишь при условии истребления других. Вот тогда борьба станет неизбежной и жестокой. Арбитраж – прекрасное средство избежать конфликтов между двумя народами, которые не хотят друг с другом воевать, но когда разгром одного становится необходимостью для другого, то для арбитража больше места нет. Militarизм изматывающий, абсурдный, но для слабого он является единственным возможным средством избежать разгрома, а для сильного – поиграть мускулами и поглотить слабого. Войны будущего перестанут быть играми королей или капризами народов, но станут неизбежным следствием потребностей народов в увеличении. Очень трудно предсказать, когда и в чью пользу будет создана всемирная империя. Впрочем, я не думаю, что это займет более двух-трех веков. События развиваются с возрастающей скоростью. Также я считаю, что победить призваны США. В противном случае вселенная станет русской».

Мы видим, что общий сценарий мировых событий в XX веке развивался в соответствии модели французского ученого, что несомненно повышает историческую ценность его труда, главная идеологическая составляющая которого весьма точно обозначена автором в заключительной части: «Человек не является особым существом, его действия подчинены вселенскому детерминизму. Общества не развиваются случайно, у них сложные законы развития, пока едва известные и трудные для постижения, но столь же непреклонные, как законы движения атмосферы. Из человеческой и общественной жизни сверхъестественное исключено. Душа и тело есть одно, поскольку психические феномены являются функцией мозга. Душа, таким образом, наследуется – также как и тело. Индивидуальная психология зависит от того, какими были предки человека: фундаментальное неравенство людей происходит из разности в происхождении. Неравенство происхождения является единственным, что невозможно исправить. Уровень образования целиком обусловлен наследственностью, он не передается потомкам. Образование может придать человеку лоска, но ничего из этой фальши не передастся его потомкам. Ни в семью, ни в нацию не входят по указу. Кровь, которую мы принимаем в свои вены при рождении, сохраняется всю жизнь. Человек поглощен своей расой и вне ее ничего из себя не представляет. Раса, нация есть все».

Как видим, ничего расистского в данном пассаже вновь не прослеживается, поскольку полностью соответствует системе доказательств современной генетики. Единственное, в чем усматривается расхождение, так это поэтическая образность и афористическая насыщенность языка французского расолога, практически отсутствующие в новейших естественнонаучных трудах, написанных сухим бухгалтерским языком.

VIII.

Наконец еще одним принципиальным нововведением в исследовании антропологического происхождения древних ариев в главном сочинении Жоржа Вше де Лапужа явилась систематизация информации из древних первоисточников, описывающих физический тип и психические характеристики древних ариев. И вновь это было сделано научно корректно, безо всяких рассуждений о «высших» и «низших» расах. Лишь представление объективных данных о расовом типе создателей культуры на гигантских просторах Евразии.

Главный вывод антропосоциологической теории Лапужа состоял в следующем. Во всех формах развития исторических сообществ он видел проявление извечного ан-

тагонизма в борьбе за существование исходных биотипов – долихоцефалов и брахицефалов. Именно это ему поставили в вину не столько современники (ибо он был не одинок в этом вопросе), сколько более поздние его критики, уже не считавшие нужным вторгаться в «тонкие» материи расового антропогенеза. Но на самом деле обилие археологических и палеолингвистических данных существенно укрепило аргументацию расовой антропологии в данном вопросе.

Не будем здесь перечислять огромное количество зарубежных научных сочинений, описывающих специфику расово-биологических процессов в истории, перечислим лишь основные произведения русской антропологической школы, в которых прослеживается развитие основных идей Лапужа.

А. П. Богданов «Антропологическая физиогномика» (М., 1878), «Материалы для антропологии курганного периода в Московской области» (М., 1892), А. И. Вилькинс «Антропологические типы в Средней Азии» (1884), А. Г. Рождественский «К вопросу о древнем населении Рязанской губернии» (Рязань, 1893), Н. М. Малиев «Антропологические изыскания» (Казань, 1881), Н. Ю. Зограф «Антропометрические исследования мужского Великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний» (М., 1892), А. А. Ивановский «Об антропологическом составе населения России» (М., 1904), Я. Д. Галай «Антропологические данные о Великоруссах Старицкого уезда, Тверской губернии» (М., 1905), Е. М. Чепурковский «Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Велико-россии в связи с колонизацией ее славянами» (М., 1913), А. Ф. Риттих «Славянский мир» (СПб, 1885).

Примечательны в этом плане изыскания знаменитого русского этнографа и востоковеда Г. Е. Грумм-Гржимайло, который на базе богатейшего фактического материала в своих работах «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми» (К вопросу о народах белокурой расы в Средней Азии)» (СПб, 1899) и «Белокурая раса в Средней Азии» (СПб, 1909) наглядно показал, что все очаги культуры в древние времена на гигантских просторах Азии возникли в результате деятельности представителей долихоцефальной, светловолосой расы.

Казалось бы, советская антропологическая наука, выполняя социальный заказ пролетарского интернационализма, должна была опровергнуть этот тезис, но ничуть не бывало. Г. Ф. Дебеч в статье «Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии» (Советская Азия, 5-6, 1931), В. В. Бунак в статье «К вопросу о происхождении северной расы» (Антропологический журнал, № 1, 1934) и В. И. Авдиев в фундаментальной монографии «История Древнего Востока» (М., 1948) исходили из тех же культуробиологических предпосылок. Отечественная наука в данном вопросе накоплен огромный свод прекрасных исследований, до сих пор не утративших своей актуальности.

К числу работ, в которых можно без труда обнаружить дальнейшее развитие логических построений Жоржа Ваше де Лапужа, можно отнести такие сочинения, как Г. Ф. Дебеч «Палеоантропология СССР» (М., 1948), сборник статей «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (М., 1951), В. В. Бунак «Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас» (М., 1959), В. П. Алексеев «География человеческих рас» (М., 1974), В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова «Палеоантропология Средней Азии» (М., 1972), А. Л. Монгайт «Археология Западной Европы. Каменный век» (М., 1973), К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина «Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий» (М., 1977), Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн «Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов» (Ленинград, 1970), В. В. Седов «Древнерусская народность» (М., 1999).

Кроме того, в СССР в 1977 году прошел Международный симпозиум по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.), труды которого вышли отдельным изданием в 1981 году. В работе симпозиума приняли участие

крупнейшие ученые из одиннадцати стран, чтобы обсудить различные аспекты «арийской проблемы». Советский делегат Б. Г. Гафуров в своем выступлении «Некоторые проблемы этнической истории народов Центральной Азии в древнейший период» указывал: «данные индийских и иранских языков, свидетельствующие об их происхождении из одного общего источника, систематические и глубинные черты сходства в религии и культуре, социальной и политической организации, хозяйстве и образе жизни иранских и индоарийских племен на заре их письменной истории, их общее самоназвание свидетельствуют об общности предков индийских и иранских племен в общеарийский период. Индоиранское единство является, следовательно, не только языковым артефактом, оно представляло собой реальное историческое целое, существовавшее в определенный период на единой территории. В результате хозяйственного и социального развития в этот период началось распространение арийских племен на другие территории. Арийская проблема является комплексной, но уже по своему содержанию это прежде всего историческая проблема».

Данное современное и совершенно научно корректное определение сущности «арийской проблемы». Но мы не должны забывать, что оно могло возникнуть только после десятилетий самоотверженного труда множества ученых, среди которых Лапуж был одним из первых, так как указал на комплексный характер данной проблемы. В этом и заключается непреходящая ценность предлагаемой книги, так как из истории науки мы знаем, что фундаментальные доктрины не возникают в одночасье сами собой, но проходят длительную возгонку теоретической апробацией и практическими доказательствами. Данный случай как раз из этой области, и при всех возможных эмоциональных перегибах автора и его несколько наивных романтических взглядах на историю, ему необходимо отдать должное как подлинному новатору науки. Грязная пена неминуемо сойдет как с его сочинений, так и с его имени, а все те, кто повинен в злонамеренной клевете, исчезнут как ничего не значащий шлак в заброшенных штольнях истории.

Предисловие из книги: Жорж Ваше де Лапуж. Ариец и его социальная роль – М.: Кучково поле; Медиа-групп, 2014. – 384 с. ISBN 978-5-9950-0344-1

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода.](#)